

- ⁶¹ *Переведенцев В. И.* Демографические проблемы СССР. М., 1979. С. 112.
- ⁶² *Leedi F. A.* Demographic Trends in the USSR//Soviet Economic Prospects for the Seventies. Wash., 1973. P. 450.
- ⁶³ См., например: *Женщины в СССР*. М., 1975. С. 134—135. (Раздел «Женщина и семья»).
- ⁶⁴ *Янкова З. А.* Культурно-психологические проблемы укрепления семьи//Социол. исслед. 1979. № 2. С. 36—45; *Buchley M.* Op. cit. P. 175.
- ⁶⁵ *Looking Backward in Order to Look Toward: Women Work and Social Values in America//Women and the American Economy: A Look to the 1980s.* Prentice Hall. 1976. P. 24.
- ⁶⁶ *Женщины в СССР*. М., 1975. С. 45.
- ⁶⁷ *Ершова Е. Н., Новикова Е. Е.* СССР — США: женщина и общество. Опыт сравнительного анализа. М., 1988. С. 85—86.
- ⁶⁸ *Бестужев-Лада И. В.* В общих интересах//Советская женщина: труд, материнство, семья. М., 1987. С. 93—94.
- ⁶⁹ *Женщина в СССР в 1988 г.: статистические материалы.* М., 1988. С. 3—5.
- ⁷⁰ Там же. С. 12—13.
- ⁷¹ *Buckley M.* Soviet Interpretation of the Women Question//Soviet Sisterhood/Ed. Holland B. L., 1985. P. 12.
- ⁷² *Римашевская М.* Все краски бытия//Советская женщина... С. 83.
- ⁷³ *Ершова Е. Н., Новикова Е. Е.* Указ. раб. С. 194—195.
- ⁷⁴ *Римашевская М.* Указ. раб. С. 89.
- ⁷⁵ *Current Digest of the Soviet Press.* V. 40. 1988. № 8. (2 March 1988); Социол. исслед. 1987. № 6 (ноябрь—декабрь). С. 56.
- ⁷⁶ *Rosenberg Ch.* Women and Perestroika. L., 1989. P. 59.
- ⁷⁷ *Family in Imperial Rissia//Ed. Ransel D.* Illinois, 1978.

The Russian Woman in Family and Society of the X—XXth Centuries (stages of history)

The evolution of the social status of the Russian woman is the focus of the paper. The author traces the status transformations through all the periods of Russian history, beginning from the Kiev Russia of the Xth century.

The emancipatory changes and movements are also traced. The modern status of women in the political, economic and domestic spheres is assessed.

N. L. Pushkariova

© 1994 г., ЭО, № 5

Т. Б. Щепанская

МИР И МИФ МАТЕРИНСТВА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1990-е годы.

(Очерки женских традиций и фольклора)*

Страна подобна таинственному сосуду,
к которому нельзя прикоснуться. Если
кто-нибудь тронет его, то потерпит не-
удачу. Если кто-нибудь схватит (его), то
его потеряет. Дао-дэ цзин. Чжан 29¹.

Эта работа продолжает исследования субкультурных явлений в современном городе. На сей раз речь пойдет о культуре рожавших женщин. Она достаточно замкнута, ты не подозреваешь о ее существовании, пока сама в нее не погрузишься.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований РАН.

После рождения ребенка обнаруживаешь, что изменился твой круг общения: общаешься в основном с женщинами, у которых есть дети. Тебе с ними есть о чем поговорить, а с другими вроде не так интересно, и они тебя недопонимают. И сам твой образ жизни оставляет мало возможностей общаться со всеми остальными. В общем я обнаруживаю существование особой среды, коммуникативной сети, объединяющей рожавших женщин, — и себя в этой среде. Так продолжается весь период младенчества ребенка. Но и позже остается ощущение общности и сопричастности.

В этой среде существуют свои нормы поведения, формы взаимодействия (обмен, взаимопомощь, этикет, ритуальные формы), особый символический язык — своя традиция. К моменту родов ты уже подготовлена к вхождению в материнский мир, вполне ориентируешься в его нормах, привыкла к языку, условностям. Освоение традиции происходит во время беременности, когда окружающие женщины тебя учат, советуют, как себя вести и вообще проявляют к тебе повышенный интерес. Можно сравнить все это с посвящением в какой-нибудь тайный орден или поступлением в монастырь: беременность как послушничество, ученичество; роды — момент просветления, открывающий путь в сообщество.

Настоящая статья посвящена беременности — первому периоду погружения в женскую (материнскую) традицию. Хотя надо заметить, что будут экскурсы и в послеродовой период, потому что объяснение некоторых явлений, связанных с беременностью, обнаруживается намного позже, после родов.

Передача традиции происходит в устоявшихся фольклорных формах: советов, примет, предсказаний-пожеланий и др. Во время беременности жизнь женской традиции замкнута на духовном уровне; только после родов она материализуется, начинает определять действия женщины, формы ее общения — выходит на социальный уровень. А пока мы рассматриваем события, происходящие в духовном мире женщины (или, по-другому, на уровне знаковой модели мира). Здесь происходит настоящий семиотический катаклизм: меняется не только содержательная сторона, символика, но и сама структура модели мира. Ниже мы увидим это на конкретном материале.

Может показаться непривычным стиль этой работы — иногда он субъективен, в некоторых местах имеет привкус «дамского рукоделия». Я намеренно ввожу в текст собственный опыт, использую в качестве материала разговоры и письма, советы, предсказания, впечатления моих подруг, — в общем для меня представляют ценность материалы, полученные естественным путем (в момент их фиксации не имелись в виду исследовательские цели). Это как бы фрагменты непосредственной жизни женского сообщества. Тем самым я надеюсь воспроизвести жанры самоописания материнской культуры — обычные формы, в которых она себя осознает и вербализует.

В общем я здесь в двух лицах: носительницы традиции и ее исследователя, поочередно перехожу с одной позиции на другую, возможно не всегда успевая сменить терминологию. Две точки зрения — внешняя и внутренняя — присутствуют в работе равноправно*. Для меня это не декоративный прием, а метод исследования. Известно, что интерпретация знаков и символов зависит от точки зрения автора. Впрочем такой метод возник не сегодня. Похоже, это его описание открывает Книгу о Дао и Дэ: «Тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну (дао), а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному»². А кроме того, не хотелось бы, чтобы из исследования ушло дыхание жизни: особая атмосфера,

* Когда речь идет об изучении «другой» культуры, мне кажется неестественной позиция исследователя как «объективного судии». Такой стиль научного описания сложился в естественных науках, где он не связан с игнорированием другой точки зрения.

стиль женской культуры — они не менее достойны быть объектами изучения, чем то, что можно выразить словами.

В знаковом мире

Объясняем: женщин брюхо
Очень сложное на взгляд
Состоит жилищем духа
Девять месяцев подряд.

Н. Заболоцкий³

Описание изменений, происходящих в знаковом мире женщины, я начну с феномена, относящегося уже к послеродовому периоду. Он как бы завершает то, что происходило во время беременности — подспудные процессы, неосознававшиеся женщиной, здесь впервые заявляют о себе.

Речь идет о феномене «рождения заново». Есть стереотипная формула, которую я слышала от многих недавно родивших: «Не только ребенок родился — я сама заново на свет родилась». Смысл ее посторонним непонятен. Эта фраза — лишь условная марка, обозначающая целый комплекс невербализуемых ощущений. Сразу после родов они очень ясны и остры, а со временем расплываются, забываются, и сейчас я могу воспроизвести их только контурно. Впечатление такое, как будто мир, в который ты вернулась (а роды — «уход»), тебе совсем не знаком. Привезли меня домой из родильного дома с ребенком. Спускаюсь во двор, и — меня ошеломило, что... вроде внешне все то же. Но это не так, когда ты возвращаешься туда же, откуда ушла, а — как будто попадаешь в другой мир, и он похож на прежний. Но внутри-то я уверена, что «на самом деле» это, конечно, совсем другой мир. Надо знакомиться с предметами, осваивать их заново, потому ступаешь осторожно, действуешь неуверенно.

Постепенно (после родов происходит какое-то время) возвращается способность анализировать, мыслить логически, вообще смотреть на себя со стороны (сам момент рождения относится к таким моментам жизни, которые полностью проживаются «здесь и теперь», не оставляя энергии на дистанцирование). Я смогла увидеть в «рождении заново» симптом изменения модели мира, т. е. женщина за время беременности перешла в рамки другого «мифа», а роды просто сделали это явным. На самом деле изменился, конечно, не сам материальный мир — мокрые стены, деревья, какие-то дворовые запахи, которые так поразили меня своей необъяснимой новизной. Другой стала его знаковая модель — «миф», сквозь призму которого я все это воспринимаю.

Но это завершающий момент семиотического катаклизма, а начинается он во время беременности и происходит совсем не спонтанно, а под ощутимым влиянием женской среды.

Перестройка поведения. Как только стал заметен беременный живот, на меня обрушился вал советов. Иду по Невскому, пожилая дама трогает за локоть: «Смотри, тебе собаку гладить нельзя, а то ребенок родится волосатый. У тебя есть собака?» Позже я привыкла и не удивлялась такой бесцеремонности. Стою в очереди, какая-то женщина интересуется: «Как, — показывает глазами на мой живот, — шевелится уже?» — «Сейчас затих.» — отвечаю. — «Спит, наверное...». Она улыбается, ее это радует. Женщины как будто притягиваются животом: подходят, улыбаются. На работе, дома, на автобусной остановке заговаривают со мной и дают советы — как вести себя, двигаться, что есть и проч.

Живот — сигнал к снятию обычных барьеров между людьми. Я погружаюсь в женскую, материнскую среду, она втягивает меня. Ее коммуникативные каналы протягиваются ко мне, и по ним течет информация, открывается опыт, связанный с рождением.

Советы двух типов: чисто практическое («ешь творог — ребенку нужен кальций для формирования костей») и магические (вроде вышеприведенного про собаку, через которую нельзя переступать, нельзя ее трогать, бить). Последние — советы-табу. Они нас более всего интересуют, поскольку играют роль в регулировании поведения, перестройке его в соответствии с нормами женской среды. Приведу наиболее распространенные:

а) три совета про веревку: когда развешиваешь белье, руки не поднимай, а то ребенок пуповиной будет обмотан; шить, вышивать нельзя — ребенка обовьет пуповиной; нельзя переступать через веревку — ребенок запутается в пуповине;

б) два совета про животных: собаку пинать нельзя, скотину тоже, а то щетинка будет. А щетинка — это ребенок нервный, беспокойный. Лечили — тестом помогают. Вот моешь ребенка, теста сделаешь, намажешь, немножко поддержи и смой (следует описание знахарской процедуры. Запись 1990 г., пос. Котлы Ленинградской области, от бабушки Татьяны 1906 г. рождения, которая встретила меня на улице поселка и, заметив мое положение, разговорилась); не переступай через собаку, кошку, а то ребеночек будет волосатый (вариант: будет щетинка);

в) четыре совета о телесной культуре: беременной нельзя подстригать волосы: ногти можно, а волосы нельзя; нельзя грызть семечек, а то малыш будет слюнявый; с мужем спать нельзя: у ребенка глаза будут блудливые (этот совет моя подруга Наташа из Люберец получила от своего приходского священника, т. е. он выходит уже за рамки женской культуры); спи с мужем, сколько хочешь — ребенок здоровее будет (это я слышала от женщин);

г) четыре совета об эмоциональной саморегуляции: не плачь, слишком не переживай, а то ребенок родится нервным, бессонным, даже немым или ненормальным. Когда беременная нервничает, ей часто говорят: «Подумай о ребенке!»; не ссорься ни с кем, не злись, не ругайся, опасайся кого-нибудь прогневить: могут со зла и с п о р т и т ь или с г л а з и т ь ребенка. По поверьям, порча или сглаз могут быть причиной ранней смерти новорожденного, слабости, замедленного развития, бессонницы, плаксивости и некоторых тяжелых заболеваний; очень опасно пугаться — могут быть последствия для ребенка (испуг матери, по поверьям, передается ребенку. Мать испугалась воды — сын всю жизнь боялся воды и в конце концов утонул); если испугалась — все равно сохраняй самоконтроль.

В 1990 г. я была в короткой экспедиции в Ленинградской области. Живот был уже очень заметен. Мы разговорились в пос. Котлы со старушкой, и как все, она стала давать советы. Вот такой, например: «Когда беременная, уже ж и в а я п о л о в и н а*, напугаешься — только за живот не хватайся: это будет родимое пятно у ребенка». Год спустя то же поверье я встретила в Санкт-Петербурге, но уже не в виде совета. У наших знакомых родилась девочка с большим родимым пятном на личике. Ее отец переживал, все спрашивал, отчего так вышло? Объяснение он услышал от Вали, жены его друга, мамы двух детей. Она сказала так: «Мама, наверное, испугалась, когда носила ее, и за живот схватилась. Нельзя за живот хвататься!»

* * *

Каждый совет — норма поведения. Вместе они составляют своего рода женский кодекс, традиционную этику матерей. Суть этой этики: ограничение агрессивных проявлений (не злись, не ругайся, не бей животных); избегание конфликтов, особенно с родней и женским окружением; выработка навыков

* Вторая половина беременности, когда ребенок уже толкается в животе.

эмоциональной саморегуляции. «Женский кодекс» не оставляет без внимания даже пластику беременной. «Да, еще медсестра говорит,— писала моя подруга Наташа из Люберец,— что я ношусь колбасой, а надо плыть, как лебедушка. И что это важно для ребенка» (1991 г.). Эта последняя фраза, сама формулировка — «как лебедушка» — открывает внутренний смысл всех советов, разговоров с беременной: женская среда как бы подтягивает ее к традиционному образу женственности («лебедушка»). Она спокойна, умеет владеть собой и избегать конфликтов. Плавная походка, нерезкие движения. Этот образ совместил физиологическую необходимость и необходимость адаптации к жизни в новом статусе, часто в новой семье (мужа). Короче, все, что сопровождает переход из девичьего положения в женское. Надо сказать, что и в деревенской традиции женский статус окончательно утверждался только после рождения первенца (а не в момент свадьбы). Это отмечалось рядом женских обрядов⁴. Так что роды — еще и «посвящение» в женский статус, а беременность тогда нечто вроде «послушничества» перед вступлением в женское сообщество. Одна из составляющих подготовки (как и всякого послушничества) — освоение норм поведения. Советы беременной — форма передачи норм женского сообщества. Во время беременности женщина должна выработать в себе необходимые качества или их продемонстрировать: здесь своего рода «экзамен». Вообще женская среда относится к соблюдению беременной норм и правил с особым вниманием, даже строгостью. Советы есть также и форма давления, оно ощутимо. Проверяется соответствие не только собственно женским нормам, но и просто общепринятым: «Когда ребенка носишь,— записала я от той же бабушки Татьяны из пос. Котлы,— нельзя воровать: а то по крови передастся» (1990 г.). По той же причине нельзя вообще все, что «нельзя». Что, в другое время можно воровать? Дело не в этом, а просто во время беременности как бы заново проверяется соответствие поведения женщины общественным нормам. Каждый ее поступок имеет, кроме прямого, еще и другой смысл. Каждый поступок беременной женщины еще и символ: он символически связан с будущим ребенком (сделаешь что не так — обовьется пуповиной, будет нервным, будет родимое пятно...). Любое ее действие проецируется в будущее — как элемент строительства нового мира.

Изменение модели мира. Вторая сторона женского освящения — перестроение модели мира. С помощью советов фиксируются не только нормы поведения, но и способ организации передаваемой информации. Обратим внимание на структуру самих советов. Они построены по стандартной схеме: «Собаку пинать нельзя — у ребенка будет щетинка», «Семечки не грызи, а то ребенок будет слюнявый». Первая часть — норма поведения, вторая часть — ее мотивировка. Мотивировка всегда одна — связь поступка с благополучием будущего ребенка.

В результате все значимые для женского сообщества нормы, поведение женщины привязываются к одному ядру — ребенку. Советы задают стереотип, привычку мотивировать подобным образом вообще все действия женщины. Причем этот стереотип усваивает и она сама, и среда, в которой она живет. Я была на восьмом месяце беременности. Знакомые зовут поехать в деревню — прекрасное место, август, огород, лес: «Поехали, тебе надо подышать хоть воздухом. А то в городе — подумай, чем он дышит!» Мотивируют заботой о крошечном обитателе моего живота. Я думаю-думаю и отказываюсь: «А представляешь,— говорю,— вдруг рожать соберусь? Там же семь километров до шоссе, пешком я что ли пойду? Туда ведь и „Скорой“ не вызовешь». Мотивирую тем же самым: заботой о благополучном рождении. И когда малыш явился на свет, замечаю: все, что я делаю, связываю с ним. «Пойдешь в фонды в четверг?» — «Ну как же я пойду, а с кем его оставить?» Короче, мое поведение организуется вокруг ядра: ребенок делается центральным символом в той модели мира, которая определяет логику моего поведения.

Это весьма типично, присмотритесь к мамам в первые годы жизни их малышей.

Итак, жанровая форма (советы) передачи традиции имеет не меньшее значение, чем прямое содержание. Эта форма предопределила в данном случае структуру, способ организации знакового мира: концентрическая структура вокруг центрального символа.

Наряду с советами во время беременности актуальна другая жанровая форма — приметы о поле будущего ребенка. Путешествуя, мы (я, сын, которому оставалось еще два месяца до рождения, и его папа) заночевали в Псковских Печорах у местной старушки. И вот она спрашивает меня: «В какой стороне толкается: справа или слева?» — «Вроде бы справа». — «Ну, будет мальчик. У меня дак все слева толкалось — и так и вышло: девочка была» (1990 г.). Эта примета распространена и в Петербурге. Я слышала и другие: в начале беременности тянет на острое и соленое — будет мальчик, на фрукты и сладкое — девочка; во второй половине беременности мать хорошеет — будет мальчик, потому что «девочка у матери красоту забирает». Слышала и противоположное: если губы распухли, лицо в пятнах, нос заострился — родится мальчик, а если похорошела, «кровь с молоком» — девица; в конце беременности живот «торчит дынькой» — парень; а если круглый, «из-за спины видать» — девочка.

Структура примет: первая часть — телесное состояние матери (пищевое предпочтение, внешность, симптомы токсикоза, форма живота); вторая часть — как и в советах, ребенок. К тому же центральному символу (ребенку) привязываются телесные проявления, признаки, качества матери. Знаки тела организуются в ту же концентрическую структуру, с тем же ядром, что и знаки действий.

Поведение и тело — важнейшие аспекты самосознания личности. А здесь, в материнском мире, они уже не принадлежат собственному «я» матери; ее «я» утрачивает самостоятельность, становясь лишь частью концентрической структуры, оболочкой вокруг ее символического ядра. А ядро — ребенок: знак знаков, песнь песней. Н. А. Бердяев угадал этот момент утраты личности — угадал и отшатнулся: «Пол принадлежит жизни рода. Любовь же принадлежит жизни личности. Отталкивание от родовой жизни принадлежит к самым первоначальным и неистребимым свойствам моего существа. Отталкивание во мне вызвали беременные женщины... деторождение мне всегда представлялось враждебным личности, распадом личности»⁵. На самом деле все не так страшно (изнутри традиции): то, что утрачено, несоизмеримо меньше того, что открылось и обретено. Да собственно, и не утрачено, а встроено. Но непосвященным всегда бывает виден только момент разрушения — и он ужасает. Здесь просто обычный барьер, разделяющий разные модели мира, разные мифы. Переход в концентрическую модель мира связан с преодолением (на время) бинарности, т. е. женщина выходит за рамки бинарной модели мира, лежащей в основе общепринятой культуры. Эта тема — сопоставление обоих структур и их восприятие — заслуживает отдельного обсуждения, однако она выходит за рамки настоящей статьи.

* * *

Постепенно фактически вся поступающая ко мне информация привязывается к будущему ребенку. Я замечаю: о чем бы со мной ни говорили, связывают это с ним; со мной вообще ни о чем, кроме родов и проблем новорожденных, не разговаривают. Я сама уже знак, наталкивающий на эти темы. Со мной даже здороваются не как прежде. То спрашивали: «Как дела? Какие новости?». А теперь: «Ну, как ты себя чувствуешь?» и «Когда? Скоро уже?», «Кого ждешь-то: мальчика или девочку?» Ты просто знак той, новой жизни, которая

у тебя внутри. Концентрическая модель мира сформировалась, т. е. создана ячейка для центрального символа.

Главный символ. Одновременно формируется сам этот символ. Параллельно вынашиванию физического тела ребенка происходит «вынашивание» его образа — духовная беременность.

Я хочу привести рассказ молодой мамы, актрисы пантомимы в одной из театральных трупп в Москве. Это был обычный разговор — опыт беременности и родов. Открывающийся мир настолько удивителен, что женщины часто говорят об этом друг с другом, хочется поделиться, как-то упорядочить свои странные ощущения. Света говорит о предчувствии образа, которое возникло уже в самом начале беременности: «Сразу ощущается пол будущего ребенка — прямо чувствую, знаю откуда-то. Характер его передается мне, становлюсь добродушной, смешливой, делаю что-то несвойственное мне.* Появилась терпимость, спокойствие... Это может услышать любая женщина в себе... В эту беременность (родился здоровый мальчик) знала, что узнаю лицо ребенка: носила в себе узнаваемого ребенка, как будто уже его видела. И когда его показали после рождения, я его узнала просто. И потом бы уже никогда ни с кем не спутала... Последняя беременность (сейчас)... Уже чувствую, что этот ребенок более агрессивный, нервный, более жесткий и требовательный по характеру. А с Ларькой (предыдущая беременность — Т. Щ.) я всех любила, жалела, люди меня не раздражали, как сейчас. Он вообще хорошо себя вел внутри. Веселая на все реакция (и сейчас), не склонен к меланхолии» (запись 1992 г.). Хорошо видно, как у мамы формируется образ будущего ребенка, особенностей его характера, темперамента. И мать ищет знаки, к которым их можно было бы «привязать». Ими становятся ее состояния, вызываемые беременностью, — она кодирует эти состояния.

Несмотря на глубокую интимность этого процесса, женская традиция участвует в его регулировании. Вернемся опять к советам, обратим внимание на их вторую часть — в ней всегда описывается какое-нибудь отклонение от нормы: собаку, кошку пинать нельзя — будет щетинка у ребенка; руки вверх не поднимай, не тянись вверх — ребенок обмотается пуповиной. В каждом совете фиксируется то или иное отклонение: обвитие пуповины, волосатость, болезнь «щетинка», крикливость, бессонница ребенка, немота, слабость, нежизнеспособность. Тем самым советы задают представление о норме, нормальном ребенке (как бы «от противного»). Женский фольклор направленно формирует у матери представление о норме физического развития будущего ребенка — телесные аспекты его образа.

Приметы тоже участвуют в проектировании образа: мать пытается угадать пол будущего ребенка. Вообще устойчивое бытование примет, по которым судят о его половой принадлежности, есть симптом особенного интереса, проявляемого к этой теме женским сообществом. Роль в воспроизводстве — едва ли не первое, что важно для женской среды. «Ну, кто родился?» — первый вопрос после родов и первое, что тебе сообщают акушерки. Половая идентификация — первое определение, которое ребенок получает в человеческом мире. Ребенок еще до появления на свет вписывается в процесс бесконечного рождения: он для матери (и материнского сообщества) и есть продолжение ее рождающего начала.

Итак, советы и приметы, изливающиеся на тебя во время беременности, фиксируют в основном телесные аспекты образа ребенка: а) пол, б) признаки «преодоления звериности» — с этим связана особая, «мистическая боязнь

---

* У меня было подобное впечатление. Налицо кодирование своих состояний: психологические и физиологические изменения женщина интерпретирует как знак, весть о будущем ребенке.

волосатости, «щетки», немоты, т. е. выход за границы нормы и есть признак «звериности».

«Духовная беременность» продолжается и после физического рождения ребенка. Теперь проектируются уже не столько физические, сколько социально-психологические качества. С этим связан еще один жанр материнского фольклора — «предсказания-пожелания».

«И вот наступила самая торжественная минута праздника: феи вошли в детскую и одна за другой стали преподносить новорожденной дары, которые они для нее припасли. Одна из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая наградила ее нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что она будет превосходно танцевать, пятая — что она будет петь, как соловей, а шестая — что она будет играть одинаково искусно на всех музыкальных инструментах»⁶. Весь окружающий мир ведет себя по отношению к младенцу примерно как феи из «Спящей красавицы»: все ему чего-нибудь желают, сообщая строя образ его будущего.

За продуктами в магазин я обычно ходила с коляской. Как-то мой восьмимесячный сын издал оглушающий вопль. Кто его знает, что бы это могло означать: проявление таинственных младенческих энергий. Как любая неопределенность, он породил потребность интерпретации, внесения хоть какой-то определенности. Рядом стояла пожилая женщина: «Голос,— говорит,— громкий: будет полководец!» В другой раз в подобных же обстоятельствах какая-то старушка предложила другую интерпретацию: «Ну, будет петь в опере!»

Вставши на ножки-крошки, младенец взял привычку убегать от меня. Я, конечно, за ним гоняюсь — не выбежал бы на дорогу! А вдруг потеряется! Возвращаюсь на лавочку, рядом старушка: «Хорошо бегают! Великий спортсмен будет».

Потребовал шоколадку. Говорить он тогда еще не умел, а вот добиться своего уже находил способ. «Ой, какой!» — заметила одна женщина, все это наблюдавшая. — «Царем будет!» Говорили еще, что вырастет маме помощник; маме защитник: «Ну, шагает, как солдат!»; водителем будет (кричит «ту-ту», увидев автомобиль, тянется к нему ручонками); изобретатель (проявляет настойчивый интерес к моей пишущей машинке и всякой технике); и даже «альпинист».

* * *

Предсказания-пожелания — жанр, стягивающий в узел два потока информации. Первый — качества, подмечаемые у малыша (в основном телесные: темперамент, голос, внешний облик). Второй — социальные роли, причем одобряемые обществом (желают-то хорошего). Физические качества ребенка используются как знак для кодирования его социального образа.

Говоря точнее, предсказывают на будущие социальные роли, а скорее, ориентации, указывающие сферу социализации (искусство, техника, власть, спорт и т. п.). Одновременно это и способ формирования воспитательной стратегии. Среда, главным образом женская, исподволь программирует меня. Пожелания, которые я слышу на каждом шагу, создают в моем представлении идеальный образ будущего человека — его характера, социальной ориентации, судьбы. Вообще обсуждение воспитательных стратегий — одна из основных тем материнской культуры. И даже больше, чем тема: это способ видения малыша и своих отношений с ним. Ты видишь одновременно два плана: «сейчас» и «в будущем». Едва ли не каждое действие, качество, замеченное у ребенка, тут же проецируется в будущее — как знак (бегают быстро, громко кричит — «спортсменом будет», «в опере будет петь...»). Так же кодируешь и собственные действия с ребенком. Приведу примеры из книги Б. П. Никитина, «родителя-профессиона-

ла», как он себя называет^{*}. Он пишет о грудном вскармливании: «Кормление грудью — это не только питание малыша, которое обеспечивает ему начало жизни без болезней, хорошее развитие его сил и ума, но и воспитание любовного, доверительного отношения к родной матери, к другим людям... Каждой маме надо запомнить: чем раньше она отучит ребенка от груди, переведет малыша на смешанное, а тем более искусственное вскармливание, тем больше она предрасположит его к неконтактности, бесчувственности, одиночеству»¹. Типичный пример кодирования: взаимодействие с ребенком (кормление) приобретает символическую функцию, за ним видится образ ребенка, душевные качества подрастающего малыша: доброжелательность, эмоциональная теплота...

В книге Б. Н. Никитина можно найти множество примеров такого кодирования разных действий с малышом: пеленания, выбора позы в кроватке, физических упражнений, холодовых нагрузок. В данном случае я не обсуждаю медицинскую истинность такого рода представлений. Мне важен способ кодирования воспитательных установок, выработки родительского идеала. Знаком для них служат физические свойства младенца, простые манипуляции с ним. Реальность становится прозрачной, сквозь настоящее постоянно просвечивает будущая судьба. Едва ли не каждое соприкосновение, просто взгляд на ребенка есть для матери повод заново пережить, возобновить воспитательные установки. Она кладет его в кроватку и старается положить на бочок, и чтоб лежал на животике, а не «полешком» на спинку. «Считается, — как пишет Никитин, — что положение на спине — это положение мертвого, побежденного, слабого, больного. Говорят даже, что положение на спине начинает формировать рабские чувства, например, подчиненности»⁸. В общем все эти манипуляции для матери — действия по строительству символического образа будущего. Непосвященные видят, как она пеленает, кормит грудью, укладывает — но это только текст настоящего, а мать одновременно строит и прочитывает текст будущего.

* * *

Надо остановиться на событиях, происходящих в знаковом мире женщины во время родов^{**}. К этому времени в ее сознании уже сформировалась новая модель мира, знакомый мир принял концентрическую структуру. Сложился и центральный символ модели — образ будущего ребенка. Короче, новый миф уже готов.

Что же происходит, когда ребенок, наконец, раздвигает, говоря языком повитух, «мясные врата»? Акушерка держит на ладони его синенькое, измазанное и скользкое тельце, свет бьет ему в глазки, и личико морщится, ручки, ножки, пуповинка беспорядочно дергаются — новый человек возмущенно орет. «Ну, посмотри, кого ты родила,» — говорит акушерка. Всё. С этого момента прежнего нет — оно перевернулось, смешалось и унеслось. Женщины очень ясно помнят эту минуту, ощущения необычайно сильные, но описывают обычно крайне невнятно. Наши предшествующие рассуждения позволяют представить смысл происходящего: ребенок выходит на свет — ядро мира является материально. А вместе с тем материализуется и вся модель мира: материальный мир и его знаковая модель совмещаются.

Этот «выход» концентрического мифа в материальный мир проявляет себя в ряде феноменов. Вспомним феномен «рождения заново» — ощущения после родов того, что все вещи «сместились», «незнакомы» и проч. Короче, ощущения

^{*} У Б. Н. Никитина семеро детей, по профессии он педагог.

^{**} Разумеется, я могу здесь дать лишь их общую схему: подробное описание потребовало бы примерно такой же статьи, а может быть, и целой монографии.

Алисы в «Стране чудес». Я упоминала о них в начале статьи; теперь можно видеть их семиотическую подоплеку. Мир, его элементы, нужно вписать в новую структуру, «заново расставить». Общий принцип расстановки — по их отношению к ядру этой структуры, ничего не подозревающему малышу, сосунку, центру мира.

По-новому организуется мир предметов и мир людей. Ярче всего перемена ролей заметна в родственном окружении. Близкие получают новые «титуты»: мою маму все теперь зовут «бабушкой», сестру — «тетей», меня, конечно, «мамой». Причем, что удивительно, не только когда говорят о малыше, а вообще привыкают так звать, чтоб не путаться. «Тебе бабушка звонила», — говорит мне сестра. Точнее было бы сказать, что звонила свекровь. Бабушка-то она моему малышу, а не мне. Или: «Ваш папа приходил, помидоры принес, там на холодильнике». Мы все переопределяемся по отношению к малышу. Между собою родственники называют друг друга по-прежнему, а в разговоре со мной используют исключительно новые «титуты». Для общения со мною окружающие как бы вступают в мой концентрический мир, принимают произошедший у меня семиотический катаклизм.

Так же перестраивается мое предметное окружение. В доме появляется масса новых вещей, нужных для малыша. В то же время многие вещи оказываются ненужными и убираются на антресоли, а кое-что и выбрасывается. Ценность предметов зависит от их полезности или вредности для ребенка. Квартира подвергается инвентаризации: перевешиваются ковры (чтоб ребенку было тепло), выбрасываются старые вещи (пыль, а вдруг аллергия?).

В общем концентрический миф материализуется, начинает определять организацию предметного и социального окружения матери. Роды — начало этого процесса, и все время, пока он длится, ты пребываешь в состоянии какого-то ошеломления.

Некоторые женщины боятся рожать в родильном доме. Там есть такие травмирующие моменты, страх перед которыми даже больше, чем страх оказаться в критический момент без медицинской помощи, рожая дома. Среди самых травмирующих моментов в роддоме — разлучение с ребенком. После того как моему малышу отрезали пуповину, обмыли его и запеленали, нас с ним увезли в разные палаты: его к другим детям, меня — к родильницам. Хорошо еще, сразу дали покормить. И увезли. Говорят, матери нужно отдохнуть после родов. Ничего хуже этого в моей жизни не происходило. Мне говорили: ешь, спи, потом принесут ребенка для кормления. Я не могла спать, ни на минуточку глаз не закрыла, и не лезла мне в горло противная каша. Все, что я хотела — быть с моим маленьким. Больше ничего не понимала и не чувствовала. Времени не было, ничего не было. Принесли его только к вечеру. Малыш присосался к груди, и после этого я моментально уснула. Но и во сне испытывала только одно: желание быть с ним рядом и беспокойство, которые теперь будут постоянным фоном моей жизни.

Платные роддома как одно из главных своих преимуществ рекламируют совместное содержание матери и ребенка.

Все это малопонятно, если не учитывать тех процессов в знаковом (духовном) мире женщины, которые предшествовали родам. Но на фоне их вполне объяснимо. От меня вдруг уносят центр моего мира. Мир только начал воплощаться — и тут застыл на полпути. Есть я или нет? Все эти 10 часов я ждала, когда мне вернут существование.

Женское сообщество

«Центральный символ» материнской модели мира играет центральную роль и в материнском сообществе, организуя среду общения. Мы перемещаемся со знакового уровня этой традиции на социальный.

Медиатор общения. Рожавшие женщины реагировали на мой беременный

живот вполне определенным образом: давали разные советы. Живот служил им сигналом к общению, необъяснимо притягивая внимание. То же самое заметила Наташа из Люберец, в письме ко мне она писала даже с некоторым удивлением: «Почему-то все спрашивают про мой живот: большой ли он (если меня не видели). И охают, и ахают, что похудела, худею, и „глаза, как у совы“ — это, мол, плохо... многие стремятся потрогать живот... Одна повторнородящая сказала, что ей очень понравилось с животиком ходить — больше, чем потом: кормить и т. д. Другая, с четырехмесячной дочкой, позавидовала мне, что у меня должен быть малыш. Одна женщина хотела по животу определить пол ребенка, но я не далась» (1991 г.). Живот — опознавательный знак принадлежности к миру матерей, «пропуск» в этот мир, открывающий доступ к женской традиции, опыту, в общем медиатор общения: открывает возможность коммуникации и определяет ее содержание. Все разговоры вертятся вокруг ребенка и рождения.

После появления на свет «сигналом к общению» становится уже сам ребенок: теперь он — в коляске, в песочнице, у меня на руках — знак моей принадлежности к миру матерей. Мамам с колясками не надо быть знакомыми, чтобы свободно общаться. Характерный эпизод: везу я своего малыша в открытой коляске, на нем яркий комбинезончик. С нами поравнялась другая мама с коляской и говорит: «Девушка, простите, у Вас есть кому пристроить это хозяйство?» — «Комбинезончик?» — «Ну да. Есть кому передать? И шапочка хорошая». У меня было кому передать — скоро должен был появиться маленький у наших дальних родственников, да и моя московская подруга уже ожидала малыша. «У меня тоже подруга,» — объяснила тогда женщина. — Родила уже. Как раз через полгода ей тоже нужно будет...». Надо заметить, что в женской среде существует обычай передавать детские вещи, из которых малыш уже вырос, детям знакомых и даже малознакомых. Возникают устойчивые связи на этой основе — называется «очередь»: Маша С., как только ее сын вырастал из очередных штанишек—курточек, приносила их мне. А я освободившиеся вещички отдавала подруге Наташе и Вале (дальней родственнице). Обмен детскими вещами, их передача играют роль символа в организации среды общения молодых женщин. У меня в руках коляска — значит, ко мне можно подойти, свободно заговорить и ожидать, что я буду выполнять обычаи, принятые у рожавших женщин.

Или во дворе: на скамеечках сидят мамы с колясками, малыши дышат воздухом. Мамы сидят обычно по две-три рядышком, свободно подсаживаются друг к другу, заговаривают. Позднее малыши перемещаются в песочницу, а мамы сидят на скамеечках — «женский клуб». Мы почти все незнакомы, но этого и не требуется. Малыш, лежащий рядом со мною в коляске, цепляющийся за руку или копающийся в песочке — достаточное основание для того, чтобы можно было со мною свободно заговорить. Со временем на этой основе складывается дворовое сообщество — мамы детишек примерно одного возраста знакомятся. Вначале я запоминаю некоторых детишек, узнаю их имена. Стараюсь выходить в одно время с ними, чтобы моему сыну было с кем поиграть в песочке. Постепенно запоминаю и мам, но все-таки вначале не по их именам, а как «маму Зои» или «Гришину маму». Заходим в гости друг к другу, обмениваемся детскими вещами. Ядро консолидации нашего «клуба», наш «опознавательный знак» — детки.

Ребенок с удивительной силой влечет к себе, его свойство — притягивать мам друг к другу, снимать барьеры. Вы замечали, как легко посторонние люди заговаривают с малышом? Особенно с совершенно бессловесным?

В транспорте. На работу езжу нередко вместе с малышом, и практически каждый раз кто-нибудь с ним заговорит. На соседнем сиденье женщина средних лет. Сели мы с ребенком — заулыбалась, спросила его: «Ну, куда же ты едешь с мамой?». Мои ответные действия в полной степени ритуальны, в этой ситуации я могу реагировать только одним способом, обусловленным

давлением женской традиции: «На работу»,— вздыхаю я.— «А сколько же вам?» — «А нам уже десять месяцев скоро.» — «Ты мальчик или девочка? Как тебя зовут?» — улыбается женщина малышу. Тот тоже сияет и трогает ее ручкой (1991 г.).

На самом-то деле отвечать, подразумевается, должна я. И попробуй не поддержать разговор. Конечно, ничего не случится, но это как-то совсем уж невероятно, немисливо. Здесь давление материнских норм общения очень ощутимо. Малыш двух «агу» связать не может — что-то лепечет, а я «перевожу». Вообще-то такие вопросы «к ребенку» — только завязка, а потом уже разговаривают с мамой. Все это просто повод выразить доброжелательность, нашу тайную общность, поддержку. Таким образом материнское сообщество каждый раз подтверждает себя. Вот мы встретились — и между нами мгновенная связь, символическая демонстрация близости.

Мы уже имели возможность наблюдать, что связи в материнском сообществе в значительной части их безличны, взаимодействие не обязательно требует личного знакомства. Общение подобного рода требует медиатора — символа, снимающего барьеры, ядра консолидации. В материнской среде таким символом, ядром, медиатором становится то живот беременной, то малыш в коляске или в песочнице, в общем ребенок. Это действительно центральный символ, организующий социальный и знаковый уровни материнской культуры.

Позднее перестаешь всюду появляться с ребенком — он подрастает; но твоя принадлежность к сообществу матерей сохраняется. Знаком ее становятся теперь разговоры о родах, детях,— по выражению В. Розанова, на темы «живота». Они снимают межличностные барьеры, открывают каналы коммуникации совершенно так же, как когда-то сам беременный живот.

В. Розанов вспоминал в своих заметках случай, происшедший во время театрального спектакля. Он, сидя в партере, высказался по поводу представления — так, «в воздух», ни к кому не обращаясь. Высказывание затронуло тему материнства — и тут же вызвало ответ со стороны случайной соседки. «Как,— заметил философ,— расцветают молодые матери! Как вырабатывается их характер, душа!» Незнакомая женщина, сидевшая в том же ряду, неожиданно с готовностью отреагировала: «О, да! да! да!» — вдохновенно сказала она,— и я услышал,— пишет В. Розанов,— в голосе что-то личное. Помолчав, она:

— У меня дочь замужем...

— И есть ребенок?..

— Да. Несколько месяцев. Но уже до родов, только став женщиной, она вся расцвела...

— Вы говорите, ребенок? И сама кормит?

— О, да! да! да! Сама кормит»⁹.

Этот неожиданный разговор, как и некоторые другие эпизоды, привел философа к замечательному заключению: «Что же я ей был? „Сосед справа“ в 3-м ряду кресел, где вообще чопорные. Но интерес к „животу“ моментально снимает перегородку между людьми, расстояния, делает „знакомыми“, делает друзьями. Эта громадная связывающая, социализирующая роль живота поразительна, трогательна, благодарна, возвышенна»¹⁰. Подобные разговоры играют роль символическую, открывая возможность общения между «посвященными». В. Розанов вел себя вполне как «посвященный», что не удивляет — у него было к этому времени уже четверо детей.

Тут же он приводит и другой случай в подтверждение «связывающей, социализирующей» роли «живота»: «То же было и у Толстых. Софья Андреевна не очень была довольна, что приехали (без спроса у нее; она очень властолюбива). Но заговорили... и уже через 1/2 часа знакомства она рассказывала о своих родах, числе беременностей, о кормлении грудью. Она вся была великолепна, и я любовался ею. И она рассказывала открыто, прямо и смело»¹¹.

Нужно заметить, что при первых встречах во дворе, гуляя с малышами,

мамы часто заговаривают вдруг о родах. Я даже выделила «рассказы о родах» в особую группу материнских фольклорных текстов. Как-то я встретила с малознакомой молодой мамой — и мы рассказываем взахлеб, и слушаем, и расспрашиваем подробности, это все так волнует и сближает. Та же символическая роль: знак принадлежности к миру матерей, «посвященности», если считать роды своего рода «посвящением».

Обозначение границ. Ранее мы говорили о консолидирующей роли «центрального символа». Другая его функция — отгородить материнское сообщество, обозначить его границы. Я заметила, что разговоры о детях, а тем более о родах или беременности, отталкивают людей, не имеющих детей, как-то смущают их и иногда даже сердят. Для них это «чужой» символ. Страх, отталкивание, ощущение угрозы — обычная реакция при столкновении с иной моделью мира. Угроза самой структуре мира — структуре личности, «я». В общем можно наблюдать, как «центральный символ» женского сообщества консолидирует это сообщество и создает вокруг него зону разрежения, отталкивания. Этим обеспечивается различие в плотности межличностных контактов вне и внутри — то, что и составляет определение общности.

В этой статье я рассмотрела малую часть того, что составляет материнскую традицию. Я выбрала тему «посвящения», вхождения женщины в сообщество матерей, наметила составляющие этого процесса: перестройку поведения в соответствии с нормами сообщества, изменения в осознании модели мира, включение в коммуникативную сеть.

Можно посмотреть на исследование и с другой стороны. Я описала центральный символ материнской культуры, формирование ячейки для него в модели мира, наполнение его содержанием, функционирование его как медиатора общения и ядра консолидации женского сообщества.

Примечания

¹ Дао-дэ цзин. Чжан 29//Древнекитайская философия. В 2-х т. Т. 1. М., 1972.

² Там же. Чжан 1.

³ Заболоцкий Н. Торжество земледелия (поэма)//Столбцы. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 247.

⁴ См. об этом: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 66—67; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 91, 96.

⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. СПб., 1991. С. 88.

⁶ Перро Ш. Спящая красавица//Волшебные сказки. М., 1966. С. 13.

⁷ Никитин Б. П. Первые уроки естественного воспитания, или Детство без болезней. Л., 1990. С. 92, 93.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Розанов В. Опавшие листья. Короб первый//Соч. Л., 1990. С. 180.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Maternity: Its World and Mythology (feminine traditions and folklore in St.-Petersburgh of the 1990s)

Among the modern city subcultures there is one, which remains unseen and closed — the subculture of pregnant women and women with small children. The feminine (maternal) tradition is reproduced in stereotyped folklore forms of advices, tokens, prophesies, foretelling and wishing.

The author, basing her description mainly on her own experience, surveys the constitutive mythology and semiotics of this subculture traditions.

T. B. Schepanskaya